

ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ПЛОВКА НАЗАДЪ.

Воспоминанія бывшего студента.

„Блеснуть искусствомъ я нимаю не искалъ;
Что сильно чувствовалъ—то смѣло написалъ“.

А. Нахимовъ.

I.

Подготовка къ университету.

...Когда попытки мои поступить въ одно спеціальное военно-учебное заведеніе не увѣнчались успѣхомъ, то хорошій знакомый моего отца, инспекторъ 1-й Петербургской гимназіи *Шт.*, посовѣтывалъ попытать мнѣ счастья на другомъ поприщѣ: онъ взялся приготовить меня къ университету въ своемъ частномъ пансіонѣ, въ теченіи одного года. Самонадѣяность и увѣренность прибалтійскаго Нѣмца и питомца Дерптскаго университета можно объяснить невысокимъ мнѣніемъ его объ уровнѣ образованія въ Русскихъ университетахъ. Положимъ, *Шт—у* было извѣстно, что я прошелъ нѣсколько классовъ одной провинціальной гимназіи; но сколько я оттуда вынесъ, что я удержалъ въ памяти, напр. изъ Латинской грамматики, объ этомъ онъ даже не позаботился меня спросить. *Шт.* былъ типомъ Нѣмецкаго начальника учебнаго заведенія и педагога старыхъ временъ, а потому позволяю себѣ нѣсколько остановиться на этой личности, представляющей немало выдающихся чертъ.

Впоследствии *Шт.*, подвигаясь постепенно на служебномъ поприщѣ, былъ директоромъ 1-й С.-Петербургской гимназіи, за тѣмъ директоромъ Горы-Горецкаго сельско-хозяйственнаго института и, наконецъ, попечителемъ Казанскаго округа. Эту послѣднюю высокую должность получилъ онъ благодаря покровительству В. К. Елены Павловны, при которой братъ его занималъ должность секретаря. Передъ тѣмъ *Шт.* только что лишень былъ весьма тепленькаго мѣстечка въ Горкахъ. Говорили, что онъ уже слишкомъ беззаастѣнчиво пользовался тамъ казеннымъ пирогомъ, и начальствованіе надъ обширнымъ и богатымъ заве-

деніемъ до того вскружило ему голову, что онъ усвоилъ себѣ обыкновеніе класть резолюцію на дѣловыхъ бумагахъ словами: «быть по сему», что разумѣется было черезъ чуръ заносчиво и вызвало негодованіе свыше.

Въ 1835 г., директоромъ 1-й С.-Петербургской, такъ называемой *благородной*, гимназіи (туда могли поступать только дѣти потомственныхъ дворянъ), былъ Б., нѣкогда инженеръ путей сообщенія, человѣкъ по видимому слабо-характерный, ибо предоставлялъ инспектору Шт. полно-властно распоряжаться въ заведеніи не только учебною, но и хозяйственною частью. Будучи нрава деспотическаго, Шт. прибралъ въ гимназіи все и всѣхъ къ своимъ рукамъ: воспитанники, учителя, гувернеры, экономъ, все дрожало при видѣ его колоссальной фигуры. Не забывалъ онъ также и своихъ личныхъ выгодъ. Безконтрольное хозяйничанье въ гимназіи было тѣмъ возможно, что главнымъ начальникомъ ея была личность весьма гуманная, невзыскательная; притомъ же, сыновья этой особы воспитывались въ той же гимназіи. Шт. былъ обязанъ своимъ инспекторствомъ протекціи знаменитаго адмирала *Круженитерна*, директора морскаго кадетскаго корпуса, на дальней родственницѣ котораго онъ былъ женатъ.

Возвысившись внезапно изъ мелкой должности учителя Нѣмецкаго языка въ Морскомъ корпусѣ до поста начальническаго, Шт. прежде всего позаботился о роскошномъ для себя помѣщеніи въ зданіи гимназіи. Ему былъ отведенъ отдѣльный флигель съ 12-ю прекрасными комнатами и людскою, и сверхъ того помѣщеніе для гувернеровъ его частнаго пансіона. Все это конечно отоплялось и освѣщалось на казенный счетъ. Мало того: хлѣбъ, какъ ржаной, такъ и бѣлый, шелъ для всего инспекторскаго пансіона (около 25 воспитанниковъ) изъ гимназической пекарни; даже кисель, изготовленный для гимназистовъ, появлялся въ тотъ же день на столѣ у насъ-пансіонеровъ. Наконецъ, и гимназическая прислуга несла кой-какія обязанности при пансіонѣ. Понятно, что гимназическіе преподаватели тоже не могли уберечься отъ бѣльшей или мѣньшей эксплоатаціи своего расчетливаго начальника. Нѣкоторые изъ нихъ, чтобы не прогнѣвить его, вынуждены были преподавать въ пансіонѣ, если не безвозмездно, то за весьма мизерную плату.

Свидѣтельствомъ такой понудительной системы можетъ служить безцеремонное отношеніе къ урокамъ въ пансіонѣ, которое позволялъ себѣ извѣстный въ свое время преподаватель математики *Шелейховскій*. *Кондратій Шелейховскій* былъ Полякъ, воспитывался въ Педагогическомъ Институтѣ и состоялъ преподавателемъ математики въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ первые годы его осно-

ванія. Эта оригинальная личность, прозванная въ военно-учебныхъ заведеніяхъ Квадратомъ Антоновичемъ, не могла имѣть недостатка въ хорошо оплачиваемыхъ урокахъ, а потому занятія въ пансіонѣ инспектора, за грошевое вознагражденіе, не представляли ему ничего привлекательнаго. Отличаясь мягкостью характера и, какъ всё математики, большою разсѣянностью и застѣнчивостью, добрякъ *Шеллейховскій* не имѣлъ довольно мужества, чтобы отказаться отъ исполненія начальнической *просьбы*, но находилъ свое удовлетвореніе въ томъ, что позволялъ себѣ пропускать уроки въ нашемъ пансіонѣ: дасть два урока, а третій непременно пропустить. Такъ какъ намъ, приготовлявшимся въ университетъ, нужно было пройти почти весь гимназическій курсъ математики въ одинъ годъ, то конечно такой прогулъ преподавателя долженъ былъ вредно отзываться на нашихъ успѣхахъ по этому предмету.

Помню, въ самое слѣдующее время, когда приближались пріемныя испытанія, нашъ Кондратій Антоновичъ забастовалъ. Я и мой товарищъ (насъ только двое готовились въ университетъ; остальные пансіонеры *Шт.* были гораздо моложе насъ и приготовлялись въ различныя среднія учебныя заведенія) вынуждены были, по совѣту *Шт.*, взявшаго за наше приготовленіе значительную для того времени плату (2 тыс. руб. асс.), отправиться на поиски за пропавшимъ учителемъ и упрощать его не покидать насъ въ трудную минуту. И такая процедура повторялась не разъ; ибо *Шеллейховскій*, уступая нашимъ просьбамъ, являлся на 2, на 3 урока, а потомъ вновь исчезалъ.

Кромѣ гимназическихъ учителей въ нашемъ пансіонѣ было нѣсколько преподавателей Морскаго Кадетскаго корпуса. Всѣ эти господа не имѣли университетскаго образованія, и уровень ихъ познаній былъ довольно низкій; но про одного изъ нихъ, учителя словесности Зотова я всегда вспоминалъ съ благодарностью: это былъ замѣчательный педагогъ-автодидактъ, находившійся почему-то въ загоны у своего корпуснаго начальства.

Въ своемъ пансіонѣ Латинскому языку обучалъ самъ *Шт.* и обучалъ довольно оригинальнымъ образомъ. Когда ему вздумается, онъ призывалъ насъ двоихъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ, растянувшись на диванѣ, заставлялъ переводить *Саллюстія* или съ Русскаго на Латинскій изъ учебника *Беллюстии*. Объ упражненіяхъ въ правилахъ Латинской грамматики не было и помину. Я еще вынесъ изъ младшихъ классовъ гимназіи кое-какія знанія изъ этаго предмета; но мой товарищъ, зрѣлый юноша, получившій довольно плохое домашнее образованіе въ деревенской глуши, не умѣлъ даже правильно читать по-латыни. Неудивительно, что оба мы не отличились на пріемномъ

университетскомъ экзаменѣ: я изъ Латинскаго языка получилъ весьма посредственную отмѣтку, а мой товарищъ кругленькій нуль; а такъ какъ за этимъ нулемъ у него послѣдовалъ еще другой, изъ иностранныхъ языковъ, то бѣдняга провалился окончательно и не былъ удостоенъ званія студента. Обладая однакожь хорошей памятью и замѣчательной усидчивостью, онъ не впалъ въ уныніе, но сталъ посѣщать университетскія лекціи, первоначально въ качествѣ вольнаго слушателя, а потомъ и студента и окончилъ курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Оказалось, что и въ наукѣ храбрость города беретъ. Я же, при моей сравнительно-лучшей подготовкѣ, не былъ въ состояніи одолѣть эту проклятую «феноменологію» *) и потому просидѣлъ лишній годъ на первомъ курсѣ. Помню, какъ послѣ первой же лекціи профессора Фишера, припедъ домой и убѣдись, что я изъ нея ничего не вынесъ, я съ досады и отчаянія заплакалъ. Я не обладалъ подобно моему товарищу способностью удержать въ памяти то, что не было усвоено моимъ разсудкомъ; между тѣмъ практическая жизнь свидѣтельствуешь, что выдвигаются впередъ на служебномъ и другихъ поприщахъ преимущественно тѣ изъ ея дѣятелей, которые, умѣя пользоваться чужимъ умомъ, обращаютъ на себя вниманіе бойкостью рѣчи.

II.

Въ университетѣ.

Тогда существовали строгія постановленія не допускать къ приемнымъ экзаменамъ въ университетъ молодыхъ людей, не окончившихъ полного курса въ гимназіи; и въ тоже самое время въ университетскія двери совершенно свободно входили молодые люди не бывшіе въ гимназіяхъ, съ кое-какимъ домашнимъ воспитаніемъ, безъ всякаго свидѣтельства зрѣлости. Такъ одинъ изъ моихъ товарищей хвалился тѣмъ, что онъ удовлетворительно отвѣчалъ на попавшійся ему билетъ изъ Русской исторіи, благодаря лишь тому, что не задолго передъ приемнымъ экзаменомъ онъ прочелъ романъ Булгарина «Димитрій Самозванецъ». Другой разсказывалъ, что надулъ экзаменатора (Никитенку), унеся съ собою данную профессоромъ тему для сочиненія, которое и было написано дома съ помощью учителя. Третій былъ принятъ въ число студентовъ, не смотря на то, что не съумѣлъ на экзаменѣ рѣшить ариѳметическую

---

*) „Феноменологіей духа“ называлась та философія, которую читалъ намъ на первомъ курсѣ профессоръ Фишеръ.

задачу—извлечение кубическаго корня: узнавъ, что экзаменующійся намѣренъ идти не по математическому факультету, снисходительный экзаменаторъ поставилъ ему невинную двойку.

Сколько могу припомнить, экзаменаторами нашими были профессора *Грефе*, *Фрейтагъ*, *Устряловъ*, *Никитенко*, *Порошинъ* и *Сень-Жульенъ*. Всѣ они относились къ своимъ обязанностямъ довольно равнодушно, исключая развѣ горячившагося Французика: онъ грубо покрикивалъ на тѣхъ, которые слишкомъ долго засиживались надъ заданными переводами и сочиненіями.

Университетъ въ 1836 году находился въ Кабинетской улицѣ, противъ Семеновскихъ казармъ, въ томъ самомъ зданіи, гдѣ нынѣ помѣщается Синодальное подворье. Зданіе это было деревянное, невзрачное; помѣщеніе въ немъ было крайне тѣсное. Нерѣдко профессора вмѣстѣ со студентами бродили изъ одной аудиторіи въ другую, не находя себѣ нигдѣ пріюта. Естественникамъ и оріенталистамъ (послѣднихъ было не болѣе пяти) часто приходилось слушать лекціи въ нетопленномъ, натуральномъ кабинетѣ, гдѣ не было даже обыкновенныхъ столовъ.

Нашъ попечитель князь *М. А. Дондуковъ-Корсаковъ* наружностью своею напоминалъ типъ Французскаго маркиза, тѣмъ болѣе что любилъ обращаться къ студентамъ преимущественно аристократическаго кружка съ длинными рѣчами на Французскомъ «діалектѣ». По поводу какихъ-либо невинныхъ юношескихъ увлеченій, въ мягкихъ укоризнахъ, обращенныхъ къ лицамъ того же кружка, встрѣчались постоянно выраженія: *esprit de corps* и *point d'honneur*. Не меньшей гуманностью и деликатностью въ обращеніи съ профессорами и студентами отличался его помощникъ князь *Г. П. Волжонскій*. Съ какимъ сожалѣніемъ смотрѣли мы на эту высокообразованную и артистическую личность, когда въ то тяжелое время князь обязанъ былъ, стоя въ университетской прихожей, наблюдать, чтобы студенты являлись въ университетъ въ трехугольной шляпѣ и при шпагѣ. Другихъ грѣховъ политическихъ противъ начальства, кромѣ несоблюденія формы и неотданія кому слѣдовало чести на улицѣ, студенты моего времени за собой не знавали. Этимъ добрѣйшимъ начальникамъ нашимъ, не смотря на всѣ ихъ попеченія, направленные на столь *важный* предметъ въ университетскомъ образованіи, такъ и не удалось «подтянуть» молодежь, позволявшую себѣ вольнодумство подобнаго рода. Вѣроятно, вслѣдствіе этой неудачи и былъ вызванъ изъ Казани на попечительство свирѣпый *Мусинъ-Пушкинъ*.

Однажды, уже по выходѣ изъ университета, я былъ свидѣтелемъ его деспотическихъ замашекъ, обрушившихся на будущаго профессора Ведрова, защищавшаго свою магистерскую диссертацию. Когда, въ жару

диспута, Ведровъ позволилъ себѣ поострить надъ однимъ выраженіемъ возражавшаго ему проф. *Калмыкова*, то возмущенный смѣлостью молодаго человѣка и не умѣвшій себя сдерживать попечитель, при многочисленной публикѣ, крикнулъ на него: «за подобныя слова я васъ прогону съ кафедръ». Несчастный магистрантъ, будучи казеннымъ стипендіатомъ, принужденъ былъ проглотить эту обиду.

Въ первые годы моего пребыванія въ университетѣ въ должности ректора состоялъ *И. П. Шульгинъ*. Сурово было выраженіе его некрасиваго лица и непривѣтливо обращеніе со студентами. Совершенно противоположнаго типа былъ его преемникъ, съ 1840 года, добродушный и всегда доступный *П. А. Плетневъ*.

Инспекторъ студентовъ *Н. П. Филипповъ* вообще слытъ за человѣка добраго и снисходительнаго къ грѣшкамъ молодежи. Увѣряли, что онъ при случаѣ даже не прочь былъ съ ней вмѣстѣ кутнуть *).

Впрочемъ, мы, своекоштные студенты, имѣли мало соприкосновеній съ инспекціей. Чаще всего, при исполненіи разныхъ формальностей, приходилось имѣть дѣло съ однимъ изъ помощниковъ инспектора *Вакаромъ*. Эту личность студенты почему-то не долюбливали; напротивъ, субинспекторы *Д. К. Грейсонъ* и *Сартори* пользовались нашимъ уваженіемъ.

Пріемъ 1836 года отличался чрезвычайнымъ наплывомъ молодыхъ людей изъ аристократическихъ фамилій. Припоминаю князей *Лобанова-Ростовскаго*, *Барятинскаго*, *Кочубя*, *Голыцина*, *Дондукова-Корсакова*, графовъ *Комаровскаго*, *Иельштрома*, *Келлера*; за тѣмъ *Галашина*, *М. Н. Лонгинова* и др. Составляя одинъ сплоченный кружокъ со своими однородцами, товарищами той же среды предыдущихъ пріемовъ (кн. *Щербатовъ*, кн. *Васильчиковъ*, графы *Будовы*, гр. *Толъ*, баронъ *Николай*, графъ *Риботьеръ*), студенты-аристократы рѣзко отдѣлялись отъ остальной студенческой семьи, принадлежавшей къ классу *minoris gentes*. Сообщались между собой члены этого кружка не иначе, какъ на Французскомъ языкѣ, пріѣзжали въ университетъ, по большей части, въ собственныхъ экипажахъ, отличались отъ другихъ студентовъ развязностью манеръ, которая нерѣдко заходила за границы приличія. Такъ напримѣръ, присвоили они себѣ право входить въ аудиторію и выходить изъ нея, когда имъ заблагоразсудится. Гг. профессора почему-то вовсе не обращали на это вниманія; можетъ быть и потому, что между нарушавшими порядокъ и приличіе находился также сынокъ ихъ начальника.

*) См. мою статью о студенческихъ корпораціяхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ „Русской Старинѣ“, 1881 г. кн. 2-я.

Красивой студенческой формой, которая дана была въ концѣ 1836 г. (замѣчательно, что первоначально дана была студентамъ только трехугольная шляпа безъ шпаги, а послѣдняя лишь спустя нѣсколько времени) привилегированная молодежь первое время замѣтно пренебрегала и предпочитала являться какъ въ университетъ, такъ и въ общество, въ штатскомъ платьѣ. Находились между этими «сливками студенчества» и такіе, которыхъ предусмотрительные родители отпускали на лекціи не иначе какъ вмѣстѣ съ гувернерами. Послѣдніе, обыкновенно услужливые Французы, сопровождали своихъ милыхъ питомцевъ также въ биржевыя лавки и другія значныя мѣста. Этотъ же кружокъ студентовъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, присвоилъ себѣ право садиться на ближайшихъ къ профессорской каедрѣ скамьяхъ; такъ было по крайней мѣрѣ въ старомъ зданіи университета, и студенты-демократы, какъ бы сторонясь чуждой имъ сферы, не думали протестовать противъ этой привилегіи. О нѣкоторыхъ изъ этихъ аристократовъ рассказывали, что они приняты были въ университетъ лишь благодаря частнымъ, дорого-оплаченнымъ урокамъ у экзаменаторовъ, незадолго передъ экзаменомъ.

Все это взятое вмѣстѣ не могло не породить замѣтнаго антагонизма между студентами-аристократами и тѣми изъ ихъ товарищей, которые не принадлежали къ этому кружку. Первымъ поводомъ къ проявленію затаенной вражды послужилъ памфлетъ, появившійся на стѣнѣ большой аудиторіи, въ которомъ неизвѣстный авторъ подтрунивалъ надъ кутейническимъ происхожденіемъ одного изъ аристократовъ, именно М. Н. Лонгинова. Какъ и слѣдовало ожидать, такая обида произвела сильное волненіе въ средѣ послѣднихъ; даже заговорили о необходимости настоять на исключеніи автора памфлета, если его откроютъ, что однакожь не удалось.

Свободное отъ лекцій время (а его было въ волю, такъ какъ репетиціи случались не часто, да и не у всѣхъ профессоровъ, а составленіемъ записокъ занимались, надѣясь на позаимствованіе отъ товарищей, очень немногіе) университетская молодежь, какъ и всякая другая, или посвящала картамъ (было нѣсколько охотниковъ и до азартныхъ игръ), или посѣщенію танцклассовъ, замѣнявшихъ въ то время нынѣшніе танцевальныя вечера въ клубахъ и другихъ увеселительныхъ мѣсть, или изрѣдка кутежамъ.

Послѣдніе практиковались наиболѣе въ корпораціяхъ, организованныхъ по образцу Дерптскихъ, если не ошибаюсь, въ 1837 году. Основаніемъ своимъ корпораціи были обязаны все тому же аристократическому кружку. Первоначально была одна корпорація, вскорѣ раздѣлившаяся на двѣ: на Русскую (Ruthen) и Нѣмецкую (Baltica).

Число корпорантовъ было сравнительно очень не велико, едва ли достигало ста *), т.-е. пятой части всѣхъ студентовъ. Очевидно Нѣмецкія затѣи (комерши, фехтовальная зала, дуэли) приходились не по вкусу большинству моихъ Русскихъ товарищей. Впрочемъ, я этимъ не хочу сказать, чтобы разумная организація студенческихъ кружковъ у насъ вообще была невозможна или даже, какъ нѣкоторые утверждаютъ, вредна: опытъ жизненный говоритъ, что молодой человѣкъ гораздо охотнѣе подчиняется порядкамъ и дисциплинѣ, установленнымъ товарищескимъ кодексомъ, нежели полицейскому надзору начальства, точно также какъ и всякій человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ сообразуетъ свое поведеніе не столько съ установленіями Свода Законовъ, какъ съ порядками и правилами приличія того общества, въ которомъ онъ вращается. Не могу умолчать, что различные грязные поступки и безобразія студентовъ, случавшіяся въ мое время (кража шинели у товарища, оскорбленіе дѣйствіемъ въ аудиторіи и т. п.) выходили исключительно изъ среды лицъ, не принадлежавшихъ къ корпораціямъ.

Что касается до занятій студентовъ науками и уровня свѣдѣній вынесенныхъ ими изъ университета съ 1836 по 1840 гг., я съ сожалѣніемъ долженъ сознаться, что неестный отзывъ, данный по этому предмету историографомъ С.-Петербургскаго университета *В. В. Григорьевымъ*, въ общихъ чертахъ не грѣшитъ противъ истины, хотя онъ и относится къ болѣе раннему періоду, ко времени студенчества самаго автора (1831—1835 гг.). «Жизненное знаніе профессорскихъ тетрадокъ или печатныхъ учебниковъ, говоритъ *Григорьевъ* («Императ. С.-Петербургскій университетъ», Историческая Записка, составл. *В. В. Григорьевымъ*, стр. 104), испарявшееся со сдачею каждаго экзамена и оставлявшее въ головѣ только названіе пройденныхъ наукъ, смутное представленіе объ ихъ содержаніи и объемѣ, да случайно застрявшіе въ памяти факты и положенія: вотъ все что обыкновенно выносили тогда студенты изъ университета».

Съ 1837 года личный составъ преподавателей былъ болѣе или менѣе обновленъ свѣжими силами. Не берусь рѣшать, университету или чему другому нѣкоторые изъ питомцевъ его были обязаны тѣмъ, что приобрѣли впоследствии почетную извѣстность на различныхъ поприщахъ; но полагаю, что если между ними встрѣчаются такіе выдающіеся и полезные дѣятели, какъ *Грановскій*, *Григорьевъ*, *Печерникъ*, *Устряловъ*, *Никитенко*, *Чижовъ* (О. В.), *Кесслеръ*, *Жельзновъ*, *Цыковскій*, *М. П. Любошинскій*, кн. *Васильчиковъ*, кн. *Дондуковъ Корсаковъ*

*) Подробнѣе о корпораціяхъ см. въ моей статьѣ въ „Русской Старинѣ“, 1861 г. кн. 2-я.

Соловьевъ (Я.), Г. П. Галаганъ, Домонтовичъ (К.), Шифнеръ, Тургеневъ (И. С.), Майковъ (А. Н.) и др. позднѣйшіе, то С.-Петербургскому университету нечего опасаться сравненія съ другими Русскими университетами. Несмотря на то, должно сознаться, что рѣдкій изъ студентовъ моего времени былъ знакомъ съ источниками и литературой преподававшихся предметовъ. Это подтверждаетъ и Григорьевъ, увѣряя, что если нѣкоторые питомцы С.-Петербургскаго университета и приобрѣли позже почетную извѣстность, то были этимъ обязаны болѣе себѣ самимъ, нежели университету.

III.

Обращаясь къ характеристикѣ университетскихъ преподавателей, я долженъ прежде всего оговориться, что далека отъ меня мысль считать мои отзывы о нихъ непреложными. Чисто-личные сужденія мои объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ основаны преимущественно на минутныхъ впечатлѣніяхъ юношескаго возраста, и потому вполнѣ отвѣтствуютъ моей задачѣ представить характеристику профессоровъ съ точки зрѣнія студентовъ моего времени, т. е. отзывами ихъ о своихъ преподавателяхъ охарактеризовать ихъ самихъ.

Первая лекція, на которой, если не измѣнила мнѣ память, намъ первокурсникамъ всѣхъ факультетовъ пришлось быть, была лекція профессора философіи *Фишера*. *Григорьевъ* въ своей «Запискѣ» называетъ выборъ *Фишера* «необыкновенно-удачнымъ» и увѣряетъ, что въ то время былъ нуженъ именно *Вьнскій*, а не *Берлинскій* философъ. Не желалъ ли университетскій исторіографъ этими ироническими словами сказать, что студентамъ того времени была нужна скорѣе католическая (*Фишеръ* былъ католикъ и воспитанникъ іезуитскаго лица), нежели протестанская философія, или, что Русскому студенту можно и вовсе обойтись безъ философіи, такъ какъ въ Вѣнѣ, при *Метернихъ*, могла процвѣтать лишь іезуитская философія, т. е. одно извращеніе науки философіи. Для меня, читавшаго въ то время съ большимъ интересомъ популярныя статьи о философіи *Кузена*, философія, преподаваемая *Фишеромъ*, была какой-то недоступною для пониманія схоластикой, и отзывъ *Григорьева* о ней, что она «просвѣтила сознание, не стуманивая головы слушателей», я могу приписать только его желанію сказать сарказмъ, или отдѣлаться казенной фразой.

Въ дѣйствительности же, если отъ философіи *Фишера* у студентовъ голова не отуманилась, то вѣроятно потому, что рѣдкій изъ насъ былъ въ состояніи ее понять, и никто ею серьезно не занимался. Еще менѣе можно допустить, чтобы она дѣйствовала просвѣтительно

на сознание слушателей; ибо можетъ ли то просвѣщать, что не вполне доступно пониманію? Сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ учениковъ *Фишера* не вынесъ изъ университета любви къ преподаваемой имъ наукѣ, не сдѣлался ни Вѣнскимъ, а еще менѣе Берлинскимъ философомъ. За всѣмъ тѣмъ нельзя не признать, что *Фишеръ* обладалъ большою эрудиціей и замѣчательными способностями. Между студентами ходилъ неправдоподобный слухъ, будто онъ, пріѣхавъ въ Россію, первоначально жилъ уроками музыки и уже затѣмъ сдѣлался домашнимъ учителемъ у министра *Уварова*, которому и былъ обязанъ своей профессурою. Уже одно то говорить въ пользу его необыкновенныхъ способностей, что *Фишеръ*, послѣ недолгаго пребыванія въ Россіи, овладѣлъ Русскимъ языкомъ и, не читая по тетради, передавалъ по-русски въ правильныхъ и плавныхъ выраженіяхъ отвлеченныя философскія понятія, между тѣмъ какъ другіе его коллеги изъ иностранцевъ, напр., профессоръ *Грефе*, прожившій въ Россіи почти съ полвѣка, никогда не могли или не желали выучиться Русскому языку. *Фишеръ* въ своей Русской рѣчи напоминалъ Нѣмца лишь въ произношеніи буквы *л*: онъ произносилъ ее твердо и тамъ гдѣ этого не слѣдуетъ. Такъ въ любимой имъ остротѣ на счетъ студентовъ изъ Прибалтійскихъ Нѣмцевъ, которые имѣли обыкновеніе не являться на репетиціи, онъ произносилъ: «наши бароны сегодня гулають». На курсѣ нашемъ было такихъ бароновъ съ полдюжины, и *Фишеръ*, желая потрунить надъ ними, вызывалъ ихъ всѣхъ подъ рядъ. Несмотря на свои нестарыя лѣта (около 40 лѣтъ), *Фишеръ* былъ совершенно сѣдъ, но глядѣлъ молодцомъ,—носилъ на шеѣ постоянно бѣлый на твердомъ подгалстучникѣ платокъ, что при его прямой, длинной и сухощавой фигурѣ придавало ему видъ «проглотившаго аршинъ». Со студентами *Фишеръ* держалъ себя крайне-сдержанно и говорилъ *du haut de la cage*, какъ бы опасаясь уронить свое профессорское достоинство.

О лекціяхъ маститаго профессора Греческой словесности *Грефе* не берусь судить, такъ какъ, не будучи достаточно силенъ въ этомъ предметѣ, я ихъ не посѣщалъ; кромѣ того онѣ читались на Латинскомъ языкѣ. *Грефе* былъ деканомъ нашего факультета, и мы филологи обязаны были ежемѣсячно испрашивать его подпись на нашемъ печатномъ свидѣтельствѣ или видѣ для жительства. Въ этомъ свидѣтельствѣ были также пропечатаны на Латинскомъ языкѣ правила о нравственныхъ обязанностяхъ студентовъ; я увѣренъ, что по недостаточному знанію этого языка лишь немногіе изъ моихъ товарищей были въ состояніи понять ихъ смыслъ. Самая подпись декана на этомъ документѣ была пустой формальностью, такъ какъ свидѣтельствовала лишь о явленіи студента въ университетъ однажды въ мѣсяцъ. Впослѣдствіи

студенты перестали соблюдать этотъ лишній обрядъ. и никто изъ начальствующихъ не думалъ напоминать о немъ.

Какъ *Грефе*, такъ и профессоръ Латинской словесности *Фрейтагъ*, имѣли очень немного слушателей, какой-либо десятокъ. Хорошимъ знаніемъ классическихъ языковъ отличалось не болѣе 2—3 студентовъ (*Шифнеръ* изъ Ревельской гимназіи, впоследствии извѣстный лингвистъ и академикъ, *Введенскій*, питомецъ Московской духовной академіи, извѣстный переводчикъ Дикенса и Текеря). Увѣряли, что одинъ изъ этихъ слушателей, Ш., преемникъ *Грефе* по кафедрѣ Греческой словесности, обязанъ былъ своей профессурой лишь тому обстоятельству, что женился на его дочери. Здѣсь кстати замѣтить, что всѣ позднѣйшіе диѳирамбы Каткова и комп. о процвѣтаніи классическихъ языковъ въ министерство графа Уварова грѣшатъ сильнымъ преувеличеніемъ. Въ числѣ моихъ товарищей были окончившіе гимназическій курсъ первыми, и все таки они не могли понимать лекцій Грефе и Фрейтага. Выше я упрекнулъ *Грефе* незнаніемъ Русскаго языка. Примѣромъ пренебреженія къ государственному языку можетъ служить ходившій между нами разговоръ о немъ и профессорѣ *Фрейтагъ*. Однажды эти два иностранца, великіе лингвисты, но плохіе знатоки Русскаго языка, встрѣтились на улицѣ, и одинъ другаго спрашиваетъ, откуда онъ идетъ. *Грефе*, шедшій изъ цирюльни, отвѣчалъ: «я стригался». Слѣдуетъ сказать: «стригнулся», поправилъ его *Фрейтагъ*. Si non è vero... Профессорская дѣятельность *Грефе* гораздо плодотворнѣе, должно полагать, была въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, воспитанники котораго, состоя, въ большей части, изъ бывшихъ семинаристовъ, были лучше подготовлены къ слушанію его лекцій. Къ таковымъ принадлежитъ между прочими извѣстный филологъ *Н. М. Благовѣщенскій*, впоследствии ректоръ Варшавскаго университета. Напротивъ, другой его ученикъ изъ того же заведенія и адъюнктъ *Грефе*, Иванъ Яковлевичъ (прозванный студентами Jean Jacques) *Соколовъ*, былъ одинъ изъ самыхъ бездарныхъ и потѣшныхъ университетскихъ преподавателей. Не берусь судить о томъ, насколько Соколовъ владелъ своимъ предметомъ; но онъ видимо тяготился его элементарнымъ преподаваніемъ и большую часть лекцій проводилъ въ пустыхъ разговорахъ со студентами. Однажды, напр., вздумалъ онъ намъ рассказывать, какъ, парясь въ банѣ, онъ былъ свидѣтелемъ сближенія *Бумарина* съ *Сенковскимъ*. Угловатыя манеры и странныя ужимки *Соколова* указывали въ немъ поповича чистѣйшей воды. Онъ изгибался передъ своимъ бывшимъ профессоромъ и покровителемъ Грефе и, когда говорилъ съ нимъ (не иначе какъ на Латинскомъ языкѣ), то всегда видимо робѣлъ и измѣнялся въ лицѣ.

Къ числу немногихъ любимыхъ профессоровъ несомнѣнно принадлежалъ *А. В. Никитенко*. Аудиторія его всегда была полна студентами. Рѣчь *Никитенки* отличалась плавностью и изяществомъ, была оживлена, даже иногда юношески восторжена. Что же касается предмета его лекцій, «теоріи прозаической и поэтической словесности», то не думаю, чтобы эта теорія обогатила кого-либо изъ слушателей положительными знаніями. Мнѣ всегда казалось, что вся эта блистательная импровизація симпатичнаго профессора была не что иное, какъ «переливаніе изъ пустаго въ порожнее». Дикція *Никитенки* сопровождалась всегда оживленной жестикуляціей; такъ при словѣ «изящное» онъ имѣлъ привычку поднимать вверхъ руку съ двумя пальцами, сложенными въ кольцо. Съ переводомъ университета изъ стараго зданія въ новое, лекціи его сдѣлались занимательнѣе: было опредѣлено, чтобы студенты однажды въ недѣлю читали въ аудиторіи свои сочиненія, разборъ которыхъ сопровождался довольно оживленными преніями. Руководствуясь, вѣроятно, желаніемъ поощрять молодые таланты, добрейшій профессоръ предсказывалъ нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей блистательную будущность на литературномъ поприщѣ. Такъ, восхищаясь стихотвореніемъ «Кубокъ», онъ ставилъ его автора, студента *Щеткина*, чуть-ли не на одну степень съ первостепенными поэтами. Болѣе удачнымъ пророчествомъ было то, которое относилось къ нашему маститому поэту *А. Н. Майкову*, первые поэтическіе опыты котораго были прочитаны весной 1838 г. въ аудиторіи *Никитенки*. Едва-ли не первый изъ всѣхъ университетскихъ преподавателей *Никитенко*, обращаясь къ своимъ слушателямъ, величалъ ихъ «милостивые государи». Его любили и за то, что онъ былъ всегда доступенъ и простъ въ обхожденіи, а что было намъ еще болѣе пріятно, снисходителенъ на экзаменахъ.

И по должности цензора *Никитенко* оставилъ по себѣ хорошую память: извѣстно, что онъ приглашалъ къ себѣ авторовъ цензируемыхъ имъ сочиненій и совѣтовался съ ними относительно необходимыхъ въ рукописи измѣненій. Менѣе гуманно поступали его собратья по цензурѣ въ тогдашнія тяжкія для Русской печати времена. Одинъ изъ нихъ, пріобрѣтшій громкую извѣстность, *И. А. Г.*, даже не допускалъ къ себѣ редакторовъ, являвшихся для объясненій. Признаюсь, и тогда, и потомъ, меня весьма смущало, что многіе изъ нашихъ выдающихся писателей, ничто же сумняся, принимали на себя иногда невольно угнетающую должность гасителей.

Не менѣе симпатичною личностью, какъ человекъ и какъ ректоръ, представлялся намъ неизмѣнный другъ *Пушкина*—*П. А. Плет-*

несъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе приносить съ собою на лекцію какую-то черную трость, которую вовсе не нуждался въ ней, не выпускалъ изъ рукъ; увѣрили, что эта трость досталась ему на память отъ Пушкина. Плетневъ съ рѣдкою въ начальникѣ снисходительностью выслушивалъ просьбы студентовъ и по возможности всегда удовлетворялъ ихъ. Благоволительная скромность принадлежала къ отличительнымъ чертамъ его характера. Одинъ изъ моихъ товарищей предпринялъ изданіе портретовъ нашихъ профессоровъ и, какъ подобало, пожелалъ начать съ портрета ректора. Стоило однакожъ много труда художнику уговорить *Плетнева* на сеансъ и заставить его надѣть орденъ (Владимира 3-й ст.). Несмотря на то, что портретъ вышелъ очень удачный, онъ плохо расходился; а потому и мысль объ изданіи портретовъ другихъ профессоровъ въ мое время не могла быть осуществлена. Въ послѣдствіи встрѣчались мнѣ литографированные портреты нѣкоторыхъ профессоровъ, но по сходству и исполненію они далеко уступали портрету *Плетнева*, исполненному извѣстнымъ художникомъ *Бориспольцемъ*.

Менѣ пріятныя воспоминанія вынесъ я о Плетневѣ, какъ о преподавателѣ Исторіи Русской Словесности. Присоединяюсь съ сожалѣніемъ къ строгому приговору *Григорьева*, что его лекціи «не поражали слушателей ни особенною новостью взглядовъ, ни глубиною мысли и еще менѣе ученостью». Задачу ознакомить слушателей со своими взглядами на извѣстный періодъ Русской литературы преподаватель понималъ довольно своеобразно. Я слушалъ его лекціи въ продолженіи трехъ курсовъ; два года подъ рядъ читалъ Плетневъ *Державина* и только на третій неожиданно перешелъ къ *Крылову*, не удостоивъ вниманія всѣхъ прочихъ дѣятелей Русской литературы. Большая часть лекцій посвящалась чтенію произведеній этихъ авторовъ, чтенію съ устарѣвшею декламациею, съ какимъ-то неестественнымъ паѳосомъ. Между тѣмъ программа *Плетнева* гласила: «Исторія Русской Литературы, разсматривающая въ хронологическомъ порядкѣ всѣ произведенія, ее составляющія». Изъ его отзывовъ о разбираемыхъ произведеніяхъ я рѣшительно ничего не могу припомнить: такъ мало характеристическаго и выдающагося представляла его критика. Впрочемъ одно изъ мѣткихъ замѣчаній *Плетнева* о басняхъ *Крылова* осталось у меня въ памяти, именно, что басни свои Крыловъ предназначалъ не для дѣтей; такъ наприм., объяснялъ профессоръ, басня «Ворона и Лисица» проповѣдуетъ правила безправственныхъ, пользу лести. Что свѣдѣнія Плетнева не принадлежали къ числу обширныхъ, о томъ можно составить себѣ понятіе по слѣдующему случаю. Когда появился довольно неудачный переводъ Гѣтева «Фауста» *Губера*,

представляя *Плетневу* вмѣсто обязательнаго сочиненія разборъ этого перевода, пишущій эти строки присовокупилъ къ нему переводъ «Пролога» къ Гётевой трагедіи (разговоръ Бога и ангеловъ съ Мифистофелемъ), выпущенный у *Губера*, вѣроятно по цензурнымъ соображеніямъ. Очевидно, что мой профессоръ и не подозрѣвалъ о существованіи этого, отчасти циническаго, произведенія *Гёте*: иначе ему не слѣдовало бы въ аудиторіи допускать прочтенія моего перевода. Затѣмъ, долженъ я сознаться, что переводъ мой, сдѣланный въ ужаснѣйшихъ виршахъ, вовсе не представлялъ литературнаго достоинства, или даже намекъ на поэтическій талантъ. Несмотря на то, *Плетневъ* похвалилъ мой плохой трудъ и рекомендовалъ продолжать переводъ. Сознавая слабость своихъ силъ, я имѣлъ настолько благоразумія, чтобы не послѣдовать этому необдуманному совѣту. Но и послѣ того не переставали у насъ коверкать бѣднаго Фауста, наприм. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1887 года я встрѣтилъ пзвращеніе знаменитаго монолога Фауста:

Habe nun! Philosophie,
Iuristerei und Medecin,
Und leider auch Theologie, u. цр.

«Философъ (,) права и медицину и догматы (?), уву! я изучилъ».

Однажды аудиторія *Плетнева* наполнилась студентами всѣхъ курсовъ и факультетовъ, привлеченными слухомъ о чтеніи нашимъ товарищемъ *Введенскимъ* какого-то любопытнаго сочиненія. Объ этомъ студентъ рассказывали, будто онъ пришелъ пѣшкомъ изъ Москвы, гдѣ воспитывался въ духовной семинаріи, что работаетъ онъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», строгій редакторъ которой *Брамбеусъ* держитъ слабого къ чарочкѣ поповича въ ежевыхъ рукавицахъ. Наконецъ, и самая тема, которую *Введенскій* избралъ для своей диссертациі, о троичности Божества, не могла не возбудить нашего любопытства; но оно въ концѣ концовъ осталось неудовлетвореннымъ: ибо едва вошедшій на кафедру *Введенскій* успѣлъ произнести заглавіе своего сочиненія, какъ тотчасъ же былъ остановленъ рѣзкимъ замѣчаніемъ профессора, что для подобныхъ сочиненій мѣсто въ семинаріи, а не въ университетѣ. Опѣшенный студентъ оставилъ аудиторію, а за нимъ повалила и вся толпа разочарованныхъ слушателей, ожидавшихъ пикантныхъ преній по поводу этой тѣмы. Вотъ этого-то защитника Св. Троицы, послѣ того какъ онъ уже успѣлъ приобрѣсти извѣстность одного изъ лучшихъ преподавателей Русской словесности, *Погодинъ* въ своей газетѣ «Русскій» заклеилъ названіемъ «отца вигилистовъ». (Такое запятнаніе

памяти уже умершаго *Введенскаго* не могло не возмутить его знакомыхъ. Я счелъ своимъ долгомъ возстать противъ этой позорящей аттестаціи, и мое возраженіе (что дѣлаетъ честь безпристрастію *Погодина* появилось въ его газетѣ.) *Погодинъ* говорилъ мнѣ, что *Введенскій* для него личность знакомая, ибо до перехода въ Петербургскій университетъ жилъ онъ у него пансіонеромъ (вѣроятно всего въ качествѣ сотрудника по его разнообразнымъ изданіямъ). Подобный же отзывъ о *Введенскомъ* былъ данъ *Вишелемъ*, который отрекомендовалъ его въ письмѣ къ извѣстному сыщику по дѣлу *Петрашевскаго*, *Липранди*, въ такихъ словахъ: *Введенскій* — поповичъ съ чрезвычайнымъ умомъ, съ изумительными правилами безнравственности и безбожія et se qui s'en suit. Онъ задушевный другъ *Петрашевскаго*, но такъ благоразуменъ, что не принадлежитъ ни къ какому обществу... Какъ объ этомъ не знаетъ генералъ *Ростовцевъ*? *).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ себѣ объяснить такое обстоятельство, что въ то время, какъ нѣкоторые изъ преподавателей гимназій и военно-учебныхъ заведеній, никогда не посѣщавшіе собраній *Петрашевскаго*, были по его дѣлу привлечены къ отвѣту и лишены своихъ мѣстъ, «задушевный другъ *Петрашевскаго*» остался не только невредимъ, но еще былъ повышенъ въ должности и сдѣланъ наставникомъ-наблюдателемъ по предмету Русской Словесности не только въ столичныхъ, но и провинціальныхъ кадетскихъ корпусахъ?

Пишущій эти строки былъ довольно близко знакомъ съ *И. И. Введенскимъ*, но кромѣ либерализма 1840 годовъ и вполне естественной реакціи проливъ мракобѣсія, наступившаго послѣ 1848 года, никакихъ «правилъ безнравственности и безбожія» въ немъ не примѣчалъ. Такимъ либерализмомъ, какъ *Введенскій*, въ большей или меньшей степени была заражена вся интеллигентная молодежь того времени, проникнутая тенденціями *Бѣлинскаго*. Что же касается до мнимой неосмотрительности *Ростовцева*, то онъ, какъ человѣкъ умный и хорошій знатокъ человѣческихъ слабостей, не желая лишиться выдающихся педагогическихъ способностей *Введенскаго*, парализовалъ его либерализмъ самую дѣйствительною мѣрой — хорошимъ служебнымъ положеніемъ и значительнымъ окладомъ жалованья. Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая слабость зрѣнія, окончившаяся совершенною слѣпотой, заботы о семействѣ и о пенсіи на старости лѣтъ, также немало содѣйствовали вожделѣнной для начальства метаморфозѣ *Введенскаго*, и такъ называемый «отецъ нигилистовъ» превратился въ благонамѣреннѣйшаго гражданина.

*) „Русская Старина“, 1871 г., кн. IV.

При солидномъ классическомъ образованіи *Введенскій* обладалъ замѣчательною діалектикой и способностью контроверса, чѣмъ онъ нерѣдко злоупотреблялъ во время пробныхъ лекцій, которыя, по мысли *Ростовцева*, были учреждены для испытанія способностей кандидатовъ на учительскія должности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. На происходившихъ при этомъ диспутахъ *Введенскій* постоянно схватывался съ заслуженнымъ преподавателемъ словесности *Плаксынымъ*, сторонникомъ риторики и піитики. Единоборство между представителями стараго и новаго поколѣнія представляло довольно потѣшное зрѣлище, на которое стекалось немало постороннихъ слушателей. Здѣсь кстати замѣтить что затѣя *Ростовцева*, не соответствовавшая требованіямъ разумной дидактики, нисколько не содѣйствовала оцѣнкѣ дидактическихъ способностей будущаго преподавателя; сверхъ того, такъ какъ учительскія должности по прежнему продолжали замѣщаться лицами, которыя находились подъ покровительствомъ класныхъ инспекторовъ, то эти пробныя лекціи превратились въ пустую формальность и едва ли послужили къ улучшенію преподавательскаго персонала въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Мнѣ извѣстенъ не одинъ случай ловкаго морочанья глазъ; такъ, наприм., для пробной лекціи представлялось сочиненіе, которое было написано при помощи самого ооціального опонента.

Введенскій былъ одно время постояннымъ сотрудникомъ по отдѣлу критики въ лучшемъ въ то время журналѣ «Отечественныя Записки». Затѣмъ, желая занять каѳедру въ Университетѣ, онъ держалъ экзамень на степень магистра (1852 г.), но не былъ удостоенъ ея, потому что одинъ изъ экзаменаторовъ (проф. *Никитенко*) находилъ, что магистрантъ относится не съ подобающимъ уваженіемъ къ поэтическимъ произведеніямъ отечественныхъ писателей. Конкурентомъ *Введенскаго* былъ *М. И. Сухомлиновъ*, котораго *Никитенко* и избралъ своимъ адъюнктомъ.

IV.

Но пора обратиться къ моимъ профессорамъ. Лекціи проф. *И. И. Шумкина* я находилъ довольно скучными, несмотря на то, что историческая наука всегда была моимъ любимымъ предметомъ. Замѣтно было, что источникъ знаній профессора былъ не изъ глубокихъ и что ему порядочно принадлебѣло рассказывать одно и тоже въ теченіе долгихъ лѣтъ своего преподавательства въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ. Знакомый съ сочиненіемъ *Шумкина*. «Изображеніе характера и содержанія исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ» не выносилъ изъ его аудиторіи никакихъ новыхъ идей и свѣдѣній.

Гораздо съ ббльшимъ интересомъ слушались лекціи проф. *Н. Г. Устрялова* по Русской Исторіи. Хотя дикція этого профессора была довольно монотонная, рѣчь неживленная, при постоянномъ повтореніи частицы «ну-съ», но всѣ эти недостатки выкупались сообщеніемъ многихъ фактовъ и подробностей, которые, при бѣдности отечественной исторической литературы того времени, были для насъ, особенно начиная съ эпохи Петра Великаго, новы и крайне-любопытны. Несмотря на то, что на курсовыхъ экзаменахъ требовалось лишь знаніе въ объемѣ изданнаго *Устряловымъ* въ двухъ томахъ руководства (Русская Исторія), многіе изъ насъ записывали его лекціи, значительно дополнявшія содержаніе учебника. Въ противоположность другимъ молодымъ своимъ коллегамъ, *Устряловъ* никогда не искалъ популярности у студентовъ. Съ появленіемъ въ Университетъ проф. исторіи *М. С. Куторми* стали между студентами входить въ обычай аплодисменты на лекціяхъ, но *Устрялову* видимо не нравились подобныя оваціи; его всегда какъ-то коробило при нихъ, и каждый разъ, вмѣсто благодарности, на его лицѣ появлялось что-то похожее на гримасу.

Однажды я былъ свидѣтелемъ такого интереснаго эпизода на лекціи *Устрялова*. Неожиданно вошелъ въ аудиторію министръ народнаго просвѣщенія *Уваровъ*, одѣтый въ какой-то странной формѣ, въ синемъ, долгополомъ мундирномъ сюртукѣ. Прослушавъ минутъ съ пять лекцію профессора, онъ внезапно поднялся, подошелъ къ кафедрѣ и началъ поучать насъ собственной рѣчью. Сколько мнѣ помнится, содержаніе этой рѣчи было, какъ говорится, притащено за волоса, ибо имѣло мало связи съ лекціей *Устрялова*; но министру очевидно желательно было поораторствовать передъ нами на свою любимую тему о томъ, что всѣ реформы въ нашемъ отечествѣ исходятъ сверху и что потому всякая у насъ революція не имѣетъ цѣли и смысла. Воодушевляясь все болѣе и болѣе своимъ предметомъ, *Уваровъ* незамѣтно поднимался по ступенямъ кафедры и наконецъ, очутившись на ней, поставилъ почтеннаго профессора въ крайне-неловкое положеніе: уступить свое мѣсто на кафедрѣ онъ не желалъ, а помѣщаться на ней двоимъ не доставало мѣста.

Было время, когда у насъ восхищались ученостью *Уварова*, провозглашали его знатомъ классической древности и, между прочими доказательствами, указывали на его изслѣдованіе объ *Элевзинскихъ тайнствахъ*, написанное на Французскомъ языкѣ. Отъ одного изъ нашихъ извѣстныхъ профессоровъ, слушавшаго лекціи въ Берлинскомъ университетѣ, слышалъ я, что знаменитый филологъ *Бѣкъ* (если не ошибаюсь) отзывался объ этомъ сочиненіи *Уварова*, какъ о неза-

служивающемъ никакого вниманія (eine jämmerliche Arbeit). Мнѣ кажется, современникъ *Уварова*, высокообразованный сенаторъ *К. Н. Лебедевъ* нисколько не ошибся, сказавъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ объ *Уваровѣ*, что онъ «сдѣлалъ изъ науки трещетку и орудіе угодливости». *)

Характеристику двухъ упомянутыхъ свѣтили отечественной науки кстати дополнить рассказомъ, свидѣтельствующимъ объ ихъ равнодушномъ отношеніи къ успѣхамъ отечественной науки. По окончаніи курса въ университетѣ, и имѣлъ намѣреніе дополнить свое образованіе въ заграничныхъ университетахъ, а свободное отъ лекцій каникулярное время посвятить собиранію, изъ тамошнихъ архивовъ, матеріаловъ для отечественной исторіи. Меня увлекала мысль идти по стопамъ *А. И. Тургенева* и Гельсингфорскаго профессора *Я. Соловьева*, открывшаго, какъ извѣстно, въ Упсальской библіотекѣ рукопись *Котошихина*. Съ этою цѣлью, немного дней спустя по сдачѣ послѣднихъ экзаменовъ, отправился я къ проф. *Устрялову* и, изложивъ ему мое намѣреніе и планъ, просилъ его совѣта и указанія на тѣ архивы, въ которыхъ можно было ожидать обильной жатвы для отечественной исторіи. Къ немалому моему изумленію, профессоръ Русской исторіи выпалилъ въ меня такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ: «напрасно будете трудиться; въ иностранныхъ архивахъ вы по Русской исторіи ничего замѣчательнаго не найдете». Какъ было понять этотъ странный, чтобы не сказать невѣжественный, отзывъ о тѣхъ драгоценныхъ матеріалахъ, которые хранятся въ иностранныхъ архивахъ? Была ли это *jalousie de métier*, или опасеніе, что открываемые новые источники могутъ повредить его труду объ исторіи Петра Великаго или, наконецъ, не довѣрялъ онъ моимъ силамъ и способностямъ, оцѣнить которыя не имѣлъ случая? Мыслимо ли было въ самомъ дѣлѣ трактовать, наприм., о Сѣверной войнѣ, не ознакомившись съ тѣми матеріалами, которые хранятся въ Шведскомъ государственномъ архивѣ? Однакожъ, сколько мнѣ извѣстно, исторіографъ Петра Великаго никогда и не думалъ заглядывать въ Шведскіе архивы.

Конечно это недоброжелательство или равнодушіе къ наукѣ ничуть не поколебало моего намѣренія, а потому и рѣшился я обратиться къ министру, стоявшему во главѣ отечественнаго просвѣщенія и слѣдовательно обязанному покровительствовать всѣмъ научнымъ предпріятіямъ: вѣдь не даромъ же западные ученые (награждаемые имъ Русскими орденами) надѣяли его громкимъ званіемъ мецената. Я обратился къ *Уварову* уже не за совѣтомъ, а съ предложеніемъ моихъ

*) „Русскій Архивъ“ 1888, вып. 3.

безкорыстныхъ услугъ Археографической Комиссіи, учрежденію, прямою обязанностью котораго было собираніе и описаніе актовъ, относящихся къ отечественной исторіи. Я выразилъ ему мое желаніе получить отъ этой комиссіи что либо въ родѣ инструкціи съ указаніемъ тѣхъ отдѣловъ нашей исторіи, которые наиболѣе нуждаются въ разслѣдованіяхъ заграничныхъ архивовъ, особенно богатыхъ интереснымъ историческимъ матеріаломъ. Затѣмъ просилъ я, если не затруднитъ комиссію, снабдить меня открытымъ листомъ, который давалъ бы мнѣ возможность въ необходимыхъ случаяхъ обращаться къ посредничеству нашихъ посольствъ. Вотъ отвѣтъ и привѣтъ, услышанные мною изъ устъ покровителя отечественной науки: «Вамъ нѣтъ необходимости вѣхать за границу; если желаете работать въ архивахъ, то можете это сдѣлать и въ Россіи».

— «Главная цѣль моей заграничной поѣздки, возразилъ я ему—докончить свое образованіе и усовершенствоваться въ языкахъ, а потому я рѣшился не уклоняться отъ нея въ сторону, въ видахъ чего уже выхлопоталъ себѣ заграничный паспортъ». (Въ то время это было дѣло нелегкое: паспорта выдавались безъ затрудненія лишь отъправляющимся лѣчиться и купцамъ; принадлежа къ сословію послѣднихъ, я прикинулся некончившимъ курса и получилъ купеческій паспортъ). Вѣроятно, чтобы отдѣлаться отъ меня, *Уваровъ* обѣщаль сообщить о моемъ намѣреніи предсѣдателю Археографической Комиссіи князю *Ширинскому-Шихматову* (впослѣдствіи министру народнаго просвѣщенія), къ которому и посовѣтывалъ мнѣ обратиться.

Являюсь черезъ нѣсколько дней въ засѣданіе Археографической Комиссіи. Было замѣтно, что мое предложеніе въ ней уже обсуждалось. Членъ комиссіи *Бердниковъ*, не давъ мнѣ вымолвить слова, опеломиль меня такой непривѣтливой и лаконической рѣчью: «Археографическая Комиссія не можетъ вамъ дать никакихъ указаній и ничего не въ состояніи для васъ сдѣлать». Но благодушный предсѣдатель, замѣтивъ, что я былъ крайне пораженъ этой неласковой отвѣдью, а можетъ быть и опасаясь какой нибудь съ моей стороны непріязненной выходки, поспѣшилъ своимъ елейнымъ голосомъ смягчить строгую резолюцію *Бердникова*: «Впрочемъ, ежели вамъ удастся найти что либо интересное въ иностранныхъ архивахъ и вы намъ объ этомъ сообщите, то Археографическая Комиссія будетъ вамъ очень благодарна». Еще бы! подумалъ я и распростился съ этой странной комиссіей навсегда.

Меня всегда занималъ вопросъ, что могло быть въ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ и заправителяхъ просвѣщенія причиною такого равно-

душнаго отношенія къ интересамъ науки и недоброжелательства къ лицу, желавшему быть ей полезнымъ, и я остановился на такомъ заключеніи: явленіе молодаго человѣка, незаручившагося полновѣсной рекомендаціей, предлагающаго свои труды безъ просьбы денежнаго пособія отъ казны, должно было этимъ господамъ показаться поступкомъ высокоумѣреннымъ и отчасти подозрительнымъ.

Къ иллюстраціи тогдашняго личнаго состава Археографической Комиссіи можетъ также послужить отношеніе ея къ трудамъ Гельсингфорскаго проф. *Я. Соловьева*. При послѣдовавшемъ моемъ посѣщеніи Шведскихъ архивовъ, я тамъ вездѣ находилъ явные слѣды занятій этого ученаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что жатва его на пользу науки была весьма обильная; между тѣмъ какъ мало изъ его трудовъ появилось въ печати или дошло до свѣдѣнія Археографической Комиссіи! Разсказывали, что *Соловьевъ* разошелся съ нею изъ за того, что она отказала ему въ пособіи для его дальнѣйшихъ поѣздокъ въ Швецію. Я убѣжденъ, что со смертью *Соловьева*, вскорѣ послѣ разлада съ комиссіей, пропало много драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, найденныхъ имъ въ Шведскихъ архивахъ*). Товарищи *Соловьева* по Гельсингфорскому университету разсказывали мнѣ, что онъ сократилъ свой вѣкъ неумѣреннымъ употребленіемъ горячихъ напитковъ; пожалуй, и «съ горя».

У.

Никто изъ профессоровъ П. Университета моего времени не былъ предметомъ такихъ восторженныхъ овацій какъ проф. Всеобщей Исторіи *Куторга*. Въ 1837 г. онъ только что возвратился изъ за границы и еще не начиналъ своихъ лекцій, а о немъ отзывались уже какъ о передовомъ ученомъ, либералѣ, человѣкѣ, который намѣренъ ознакомить своихъ слушателей съ послѣднимъ словомъ исторической науки на Западѣ. Способъ преподаванія *Куторги* не могъ не очаровать и не увлечь молодежь, которой порядочно принадлежали зады повторяемые устарѣвшими профессорами. Рѣчь *Куторги* была плавная, выработанная, нерѣдко уснащенная пикантными подробностями и либеральными выходками въ родѣ объясненія чудесъ Моисея естественными причинами и т. п. Рельефу *Куторги* въ глазахъ студентовъ

---

*) „Другое грустное событіе, писалъ *Н. А. Полевой* своему брату 24 Мая 1843 г., случилось съ издателемъ (?) книги *Котошилина*: онъ помѣшался и посаженъ въ домъ сумашедшихъ. Причина неизвѣстна. Говорятъ, будто усиленная работа и неблагодарность *Уварова*“. (Истор. Вѣстникъ 1887 г. Декабрь).

также много содѣйствовало сравненіе его съ другимъ преподавателемъ исторіи, *Шакъевымъ*. Однажды, желая выразить свою симпатію *Куторги*, студенты, наполнившіе аудиторію на вступительной лекціи *Шакъева*, устроили демонстрацію и въ присутствіи попечителя, ректора и инспектора ошिकाки и освистали бѣднаго дебютанта, единственная вина котораго состояла въ томъ что онъ, не получивъ образованія въ заграничномъ университетѣ, отважился вступить въ соперничество съ такою величиной, какъ *Куторга*. Любопытно, что прискорбная демонстрація эта не только не имѣла для студентовъ дурныхъ послѣдствій (вѣроятно потому что въ ней участвовалъ весь аристократическій кружокъ), но еще послужила поводомъ къ интересному эпилогу и новымъ заявленіямъ во славу любимаго профессора. Здѣсь кстати замѣтить, что большая часть нашихъ популярнѣйшихъ профессоровъ въ своихъ отношеніяхъ къ студентамъ всегда обнаруживала неумѣніе или нежеланіе пользоваться пріобрѣтенной ими любовью и нравственнымъ вліяніемъ, какъ самыми дѣйствительными и могучими рычагами для руководства всегда легко увлекающейся молодежи. Къ числу таковыхъ принадлежалъ и проф. *М. С. Куторга*. Въмѣсто того, чтобы, пользуясь своимъ престижемъ и вліяніемъ на молодые умы, пожурить студентовъ за ихъ неприличный поступокъ на лекціи *Шакъева*, онъ на слѣдующей же лекціи произнесъ эффектную, тенденціозную рѣчь, вызвавшую со стороны студентовъ новую шумную овацію. Бывъ однимъ изъ горячихъ почитателей *Куторги*, я записалъ эту довольно продолжительную, очевидно хорошо приготовленную рѣчь. Жалѣю, что не сохранилъ ея, но помню, что *Куторга* благодарилъ въ эффектныхъ выраженіяхъ за выказанное къ нему сочувствіе, упоминалъ о разстроенномъ здоровьѣ, о близкой своей поѣздкѣ за границу (которой онъ и не думалъ предпринимать), наконецъ разстроеннымъ голосомъ заключилъ, что гдѣ бы ни пришлось ему умирать, на берегахъ ли Женевскаго озера или Рейна, онъ вѣчно будетъ вспоминать о Петербургскихъ студентахъ. Всѣ эти сантиментальныя фразы конечно должны были вызвать бурныя рукоплесканія восхищенныхъ его почитателей, и студенты по окончаніи лекціи съ продолжительными криками «ура» подхватили профессора на руки и снесли его съ лѣстницы.

Не берусь судить, насколько ученость и знанія *Куторги* могли претендовать на солидность; помню лишь, что онъ на своихъ лекціяхъ всячески старался блеснуть ученостью и пустить намъ пыль въ глаза. Напримѣръ, невысокій уровень лингвистическихъ знаній первокурсниковъ былъ ему хорошо извѣстенъ; несмотря на то, онъ по-

стоянно угощалъ насъ на своихъ лекціяхъ цитатами на Греческомъ, Латинскомъ и даже Готскомъ языкахъ. Приводя Нѣмецкія цитаты, онъ любилъ поддѣлываться подъ чисто-Германское произношеніе, которое, какъ извѣстно, довольно рѣзко отличается отъ употребляемаго у насъ Остзейскаго. Однажды, замѣтивъ въ аудиторіи посторонняго слушателя, мальчика лѣтъ 14; Куторга, читая о культѣ фаллоса въ Индіи, неожиданно сталъ ораторствовать по-латыни, вѣроятно желая тѣмъ дать понять юному слушателю, что онъ еще не доросъ до слушанія университетскихъ лекцій. Впослѣдствіи, когда *Куторга*, по выслугѣ узаконеннаго срока въ П. университетѣ, перешелъ въ Московскій, какая-то газета уличила его въ томъ, что онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій привелъ въ невѣрномъ переводѣ мѣсто изъ Тацита.

По прошествіи года или немного болѣе профессорства *Куторги*, источникъ его либерализма самымъ рѣзкимъ и нагляднымъ образомъ неожиданно изсякъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезъ и у многихъ его слушателей интересъ къ его лекціямъ. Выказывая какую-то напускную сдержанность и серьезность, онъ въ одинъ прекрасный день, какъ бы читая по книгѣ, сталъ угощать насъ голыми историческими фактами безъ всякихъ объясненій и разсужденій. Крутой, бьющій на эффектъ поворотъ въ образѣ мыслей профессора студенты объясняли себѣ начальническимъ замѣчаніемъ, по поводу его черезъ-чуръ либеральныхъ тенденцій.

Вообще Куторга любилъ рисоваться передъ студентами, былъ неровенъ въ обращеніи и во многомъ напоминалъ нервную и капризную женщину. Склонность его къ капризамъ пришлось мнѣ однажды испытать на своей персонѣ. На экзаменѣ у него, почти въ продолженіи всего времени моего отвѣта на вынутый билетъ, занимался онъ разговоромъ съ сидѣвшимъ подлѣ него ассистентомъ и не обращалъ вниманія на то что я рассказывалъ; но когда я кончилъ, то онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ злой ужимкой и незаслуженнымъ упрекомъ, что я въ своемъ отвѣтѣ многое пропустилъ. Мое возраженіе, что онъ ошибается, ему крайне не понравилось и, потому, несмотря на мой вполне удовлетворительный отвѣтъ, получилъ я по его предмету лишь средній балъ.

Излюбленнымъ отдѣломъ Всеобщей Исторіи для *Куторги* была исторія Греческихъ республикъ, слишкомъ подробнымъ изложеніемъ государственнаго и гражданскаго устройства которыхъ онъ намъ крайне наскучилъ. По этому предмету онъ издалъ немало сочиненій на Французскомъ и Нѣмецкихъ языкахъ. Неизвѣстно, передалъ ли нашъ ученый историкъ кому либо изъ своихъ адептовъ (которыхъ онъ одно время собиралъ у себя для частныхъ бесѣдъ) восторженную преданность

къ древнимъ республикамъ «въ 12» долю листа (Duodezformat); а между тѣмъ изученію ихъ онъ посвятилъ всю свою ученую дѣтельность. Куторга читалъ лекціи, нисколько не обращая вниманія, можно ли за нимъ слѣдить и записывать. Однажды я имѣлъ наивность обратиться къ нему съ просьбой указать мнѣ какое либо руководство по его предмету. Онъ съ обычной ему саркастической улыбкой рекомендовалъ мнѣ сочиненіе проф. *Лео*, Нѣмецкаго ученаго, извѣстнаго ультрамонтанскимъ направленіемъ. Въ 40-хъ годахъ помыслы нашихъ такъ называемыхъ либераловъ были направлены не столько на политическія реформы, сколько на искорененіе вредныхъ предрасудковъ, на борьбу съ нравами, привитыми крѣпостничествомъ и долгимъ умственнымъ застоємъ. Къ сожалѣнію большая часть благонамѣренныхъ проповѣдей о гуманномъ обращеніи съ меньшею братьей и т. п. обыкновенно оставались красивыми фразами, и весьма немногіе изъ либераловъ думали примѣнять ихъ въ частномъ быту. Къ числу такихъ людей, у которыхъ слово расходилось съ дѣломъ, принадлежалъ на мой взглядъ и М. С. Куторга, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться нѣсколько лѣтъ спустя, явившись къ нему въ 1850 годахъ, по его приглашенію, на одинъ изъ его «журфиксовъ». Куторга былъ женатъ на сестрѣ проф. *Устрялова* (который, замѣчу, всегда считался рѣшительнымъ его антагонистомъ, и въ мое пребываніе въ университетѣ они даже никогда не разговаривали другъ съ другомъ). Бракъ этотъ, сколько я знаю, былъ бездѣтенъ. Вхожу въ гостиную и вижу въ одномъ изъ угловъ ея стоитъ наказанная, довольно бѣдно-одѣтая и видимо-забитая дѣвочка, лѣтъ 8—10. Какъ оказалось, это былъ пріемышъ почтенной четы. Такая странная мѣра наказанія, въ виду ожидаемыхъ гостей, такое пренебреженіе къ одному изъ главныхъ основъ воспитанія щадить женскую стыдливость, чрезвычайно поразили и даже сконфузили меня. Но хозяинъ, нимало не смущаясь моимъ присутствіемъ, принялъ строгій видъ, подозвалъ къ себѣ бѣдную дѣвочку и, перекрестивъ ее, приказалъ отправляться спать.....

Нѣсколько лѣтъ спустя, на одномъ совѣщаніи у попечителя Петербургскаго учебнаго округа, мнѣ пришлось убѣдиться въ странномъ взглядѣ Куторги на пользу дидактики. Рѣчь шла объ устройствѣ учительскихъ семинарій. *М. С. Куторга*, оспаривая необходимость въ нихъ, ко всеобщему удивленію произнесъ такой нелѣпый приговоръ: «никого нельзя научить, какъ обучать другихъ». Странно, что присутствовавшій при этомъ профессоръ педагогики *Фишеръ* промолчалъ при этой выходкѣ противъ его науки.

Совершенно иного типа, какъ человѣкъ и педагогъ, былъ братъ предыдущаго, *С. С. Куторга*, профессоръ зоологіи и сравнительной

анатоміи. Будучи филологомъ, я не имѣлъ обязанности посѣщать его лекціи, но любовь къ естествовѣдѣнію и популярное изложеніе въ искренней, оживленной и неискусственной рѣчи, сдѣлали меня однимъ изъ ревностныхъ слушателей симпатичнаго профессора. Ни въ одной изъ университетскихъ аудиторій не встрѣчалъ я столько постороннихъ слушателей какъ у *С. С. Куторги*; однимъ изъ постоянныхъ былъ уже тогда маститый вице-президентъ Академіи Художества графъ *Θ. П. Толстой*. О заслугахъ этого достойнѣйшаго изъ преподавателей свидѣлствуютъ его ученики, наши извѣстные натуралисты *Кесслеръ*, *Жельзновъ*, *Ценковскій*, *Меницкинъ*, *Фаминцынъ*.

Каеэдра всеобщей исторіи была раздѣлена съ 1838 году между *М. С. Куторгой* и *М. Касторскимъ*. Первый читалъ юристамъ, а послѣдній, вслѣдъ за выбывшимъ *Шактевымъ*, филологамъ. Вся фигура *Касторскаго* была крайне-несимпатична, отличалась неловкостью и угловатостью, а преподаваніе его было сухо, незанимательно и наводило на насъ зѣвоту. Еще менѣе были въ состояніи привлечь студентовъ его лекціи на каеэдрѣ Славянской Исторіи и Литературы.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ профессорской коллегіи того времени былъ несомнѣнно профессоръ восточнаго отдѣленія философскаго факультета *О. И. Сенковскій*, пользовавшійся въ журнальномъ мірѣ громкою извѣстностью подъ псевдонимомъ барона *Брамбеуса*. Благодарный его ученикъ *В. В. Григорьевъ*, въ своей исторіи университета, отзывается о немъ, какъ о несравненномъ профессорѣ Арабскаго языка и необыкновенномъ человѣкѣ, и упрекаетъ *Плетнева*, этого «снисходительнѣйшаго изъ людей», что, упоминая на актѣ 1848 г. о выходѣ *Сенковскаго* изъ университета, послѣ 25 лѣтней службы, «онъ не нашелъ возможнымъ выразить по этому случаю даже самаго сухаго сожалѣнія объ утратѣ, которую несъ университетъ, лишившійся величайшей (!) изъ тогдашнихъ знаменитостей».

Равнодушное отношеніе *Плетнева* къ заслугамъ *Сенковскаго* я объясняю себѣ тою нелюбовью къ нему всѣхъ его товарищей, которую онъ заслужилъ своимъ высокомеріемъ и непривѣтливимъ съ ними обращеніемъ. Такъ, наприм., я никогда не видалъ, чтобы онъ заходилъ въ профессорскую комнату, а если ему случалось пріѣзжать до начала лекціи, то онъ выжидалъ звонка, сидя внизу, въ университетскомъ правленіи. На всѣхъ своихъ товарищей смотрѣлъ онъ какъ на лицъ совершенно ему незнакомыхъ и недостойныхъ вниманія. Единственное исключеніе, кажется, онъ дѣлалъ для адъюнкты-профессора математики, тогда еще очень молодаго человѣка, *Θ. В. Чиждова*, его сотрудника по «Библиотекѣ для Чтенія». Даже встрѣчая на экзаменахъ своего земляка, проф. *Мухлинскаго* (можетъ быть еще лучшаго знатока восточныхъ язы-

ковъ и Востока, чѣмъ онъ самъ, но человѣка крайне-скромнаго), Сенковскій едва достаивалъ его парюю фразъ и не иначе какъ на Французскомъ языкѣ. Какъ бы желая показать свое пренебреженіе ко всему что относилось до университета, «несравненный профессоръ» и остроумный писатель позволилъ себѣ однажды такую, вовсе неостроумную, выходку противъ должности инспектора студентовъ. При аудиторіяхъ служилъ сторожемъ, едва ли не съ самаго основанія университета, старый, едва передвигавшій ноги, отставной солдатъ *Платонъ*. Не удостоивая бесѣдою своихъ товарищей, профессоръ *Сенковскій* не рѣдко вступалъ въ разговоръ съ тѣмъ сторожемъ и однажды, спросивъ его, давно ли онъ состоитъ при университетѣ, удивился, отчего по сіе время его не произвели въ инспектора. Какъ остроумно!

Въ серединѣ 1830 годовъ Сенковскій стоялъ въ апогеѣ своей литературной славы; это была извѣстнаго рода сила, передъ которою пресмыкалась мелкая литературная сошка, опасаясь попасть на острый зубокъ беззащитнаго критика, не пощадившаго даже *Гоголя*. Неудивительно, что мои товарищи-оріенталисты немало гордились, имѣя въ числѣ своихъ преподавателей такую знаменитость, и многіе изъ нихъ отзывались о его лекціяхъ съ какимъ-то напускнымъ восторгомъ.

Пишущему эти строки *Сенковскій* всегда представлялся какимъ-то литературнымъ *Калиостро*, такъ какъ къ несомнѣнно-обширнымъ свѣдѣніямъ и блестящимъ дарованіямъ этого ученаго Поляка примѣшивалась значительная доля шарлатанства.

Судить о его знаніи Востока и восточныхъ языковъ никто изъ его учениковъ, по крайней мѣрѣ въ мое время (*В. Григорьевъ* и *П. Савельевъ* принадлежали къ выпуску 1834 г.) не былъ въ состояніи; ибо ни одинъ изъ нихъ, сколько мнѣ извѣстно, не ознаменовалъ себя какимъ либо выдающимся трудомъ по своей специальности. Относительно его слабаго знанія разговорныхъ восточныхъ языковъ рассказывали такой анекдотъ. Когда посланнику одного изъ восточныхъ государей, прибывшему въ Петербургъ, вздумалось посѣтить нашъ университетъ, то *Сенковскому* поручено было привѣтствовать его рѣчью на одномъ изъ восточныхъ діалектовъ. Посланникъ, выслушавъ съ видимымъ вниманіемъ рѣчь оратора, спросилъ своего толмача, на какомъ это языкѣ знаменитый профессоръ привѣтствовалъ его, такъ какъ онъ не могъ понять ни одного слова въ его рѣчи. Вслѣдствіе ли многосложныхъ занятій по издаваемому журналу, или по какимъ другимъ причинамъ, только *Сенковскій* порядочно пренебрегалъ своими профессорскими обязанностями. Передъ выпускомъ книжки «Библиотека для Чтенія», слушатели его всегда были увѣрены, что инспектору будетъ прислана коротенькая записочка, въ которой извѣ-

щалося о невозможности прибыть на лекцію, подъ предлогомъ жестокой мигрени. Очень часто профессоръ, объяснивъ нѣсколько строкъ текста, черезъ какіе нибудь четверть часа начиналъ корчить болѣзненную физиономію, внезапно прерывалъ лекцію и, бормоча что-то про себя, уходилъ изъ аудиторіи. Такой конецъ лекціи студенты всегда предугадывали по слѣдующему вѣрному признаку: вошедъ въ аудиторію съ намѣреніемъ поскорѣе отдѣлаться отъ лекціи, *Сенковскій* начиналъ читать текстъ переводимаго автора тихимъ голосомъ, совсѣмъ невнятно, какъ бы захлебываясь столь частыми въ Арабскомъ и Турецкомъ языкахъ гортанными звуками.

Неудивительно, что подобные фокусы и безцеремонныя, чтобы не сказать, безсовѣстныя отношенія преподавателя къ своимъ обязанностямъ не могли располагать его слушателей къ серьезному труду; и такъ какъ ихъ было немного, всего 6—7 человекъ, то они часто стоваривались не ходить на скучную лекцію и прятались отъ профессора, обыкновенно скрываясь въ помѣщеніи казенно-коштныхъ студентовъ, и тамъ ожидали слѣдующей перемѣны. Вѣроятно очень довольный видѣть пустую аудиторію, профессоръ для виду, зная напередъ тщету этой мѣры, посылалъ стѣрожа разыскивать по всему университету своихъ лѣнивыхъ слушателей.

Вотъ при такомъ-то странномъ способѣ изученія восточныхъ языковъ, меня всегда удивляло, какъ это удавалось моимъ товарищамъ-оріенталистамъ оканчивать курсъ съ дипломомъ или даже только съ аттестатомъ. По ихъ откровенному признанію, они выносили изъ университета болѣе или менѣе хорошее знаніе лишь одного восточнаго языка, Персидскаго, и знаніемъ этого предмета были обязаны не ученымъ профессорамъ, а необразованному Персіянину, уроженцу Грузіи, мирзѣ *Джафару Топчибашеву*, котораго бывший его ученикъ *В. В. Григорьевъ* пренебрежительно называетъ «мужикомъ», забывъ, что безъ помощи этого «мужика», самъ онъ никогда не былъ бы въ состояніи хорошо объясняться по-персидски.

Всѣ студенты поголовно относились съ нескрываемымъ равнодушіемъ, чтобы не сказать съ пренебреженіемъ, къ лекціямъ протоіерея *Райковскаго*, читавшаго церковно-библейскую исторію и догматическое и нравственное богословіе. Характеристика преподавательскихъ способностей *Райковскаго*, сдѣланная университетскимъ исторіографомъ, полагаю, не возбудитъ ни въ комъ изъ его бывшихъ слушателей противорѣчія. «Послѣ *Павскаго* и *Бажанова*, говоритъ Григорьевъ, преподаваніе о. *Райковскаго* казалось сухимъ, холоднымъ, несоотвѣтствующимъ высотъ университетской науки». Понятно, что на лекціяхъ этого бездарнаго профессора обыкновенно присутствовало не болѣе 2—3 де-

сятковъ слушателей и то по большей части изъ казенно-коштныхъ студентовъ, находившихся подъ бдительнымъ контролемъ инспектора, тогда какъ посѣщеніе богословскихъ лекцій было обязательно для студентовъ всѣхъ трехъ факультетовъ. Неуклюжая фигура и смѣшныя манеры *Райковскаго* подавали поводъ къ насмѣшкамъ. Лекціи свои онъ всегда начиналъ возгласомъ: «братіе!» причѣмъ закидывалъ назадъ голову, выставя свою клинообразную бороду и глядя въ потолокъ. Одинъ изъ моихъ товарищей-шалуновъ, впоследствии извѣстный литераторъ, передъ приходомъ профессора имѣлъ обыкновеніе рисовать на класной доскѣ козлиную голову. Другой (полагаю изъ семинаристовъ, ибо былъ очень искусенъ въ диспутѣ) разнообразилъ эти крайне-скучныя лекціи, нерѣдко предлагая профессору очень наивные и щекотливые вопросы, ставившіе ученаго богослова въ тупикъ. После уничтоженія философской каѳедры въ 1850 году отцу *Райковскому* было поручено читать студентамъ логику и психологію. Воображаю, какой схоластикой угощалъ своихъ бѣдныхъ слушателей сей импровизованный философъ!

Такъ какъ большая часть студентовъ не посѣщала лекцій богословія, а тѣ изъ нихъ, которые не интересовались ими, не вели записокъ: то намъ на экзаменахъ приходилось бы очень плохо отъ взыскательнаго о. *Райковскаго*, еслибы мы не прибѣгали къ разнымъ проѣлкамъ. Самый простой способъ обмануть экзаменатора, практиковавшійся не только у *Райковскаго*, но и у другихъ профессоровъ, состоялъ въ обмѣнѣ доставшагося студенту билета. Это происходило по такому способу. Профессоръ, передавъ кому либо изъ студентовъ программу вопросовъ изъ своего предмета, въ тоже время поручалъ ему приготовить соответствующіе билеты. Достаточно было при передачѣ билетовъ доверчивому экзаменатору скрыть одинъ изъ нихъ, или изготовить билетъ вдвойнѣ и удержать дублетъ у себя, и всѣ экзаменующіеся могли смѣло предстать предъ очи строгаго судьи. Хитрость состояла лишь въ томъ, чтобы предъявить экзаменатору не тотъ билетъ, который былъ вынутъ экзаменующимся, а подмѣнить его тѣмъ, который былъ припрятанъ и отвѣтъ по которому былъ предварительно приготовленъ. Затѣмъ вынутый билетъ передавался товарищу, и такъ какъ экзаменующіеся не вызывались по списку, а подходили къ экзаменатору, когда хотѣли, то оставалось всегда довольно времени, чтобы приготовиться по запискамъ къ отвѣту на переданный товарищемъ билетъ. Студентамъ одареннымъ хорошей памятью этотъ фокусъ удавался вполне, и они получали хорошую отмѣтку; другимъ же онъ помогалъ кое-какъ отдѣлаться отъ нуля или единицы.

Существовали еще другіе способы надувательства экзаменатора, почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Наприм. однажды студентъ, писавшій билеты, помѣтилъ тотъ, на который онъ только и былъ въ состояніи хорошо отвѣчать. Сдѣланная имъ мѣтка не укрылась отъ вниманія прозорливаго профессора: предполагая, что отмѣченный билетъ былъ единственный, на который студентъ не приготовился отвѣчать, онъ самъ его вручилъ счастливому изобрѣтателю фокуса.

О лекторѣ Французскаго языка, *Сень-Жульенъ*, я уже упомянулъ, какъ о человѣкѣ съ рѣзкимъ обхожденіемъ; но его талантливыя публичныя лекціи посѣщались охотно Петербургскимъ высшимъ обществомъ. Страдая постоянно осиплостью, *Сень-Жульенъ* принужденъ былъ рѣзко выкрикивать свои рѣчи, что весьма неприятно дѣйствовало на его слушателей. В. В. Григорьевъ говоритъ о немъ, что это былъ одинъ изъ «двигателей мысли въ то печальное время»; прибавлю: мысли à la Lamartine et Victor Hugo.

Значительнѣйшая часть студентовъ предпочитала Французскій языкъ Нѣмецкому. Сколько мнѣ помнится, на лекціяхъ Нѣмецкой литературы можно было встрѣтить не болѣе двухъ-трехъ природныхъ Русскихъ. Одинъ изъ нихъ былъ князь Голицынъ (Аркадій), который вообще отличался отъ своихъ родовитыхъ товарищей солиднымъ образованіемъ и тѣмъ, что избралъ не юридическій факультетъ, а философскій (филологическое отдѣленіе). Въ концѣ моего курса явился еще другой незаурядный князь Голицынъ (Павелъ), избравшій восточное отдѣленіе филологическаго факультета; онъ еще до поступленія въ университетъ въ совершенствѣ владѣлъ Персидскимъ языкомъ. Былъ еще третій князь Голицынъ, но этотъ имѣлъ извѣстность лихаго бурша и ступевался съ перваго же курса.

Лекторъ Нѣмецкаго языка и словесности *К. Θ. Свенске*, по многосторонности знаній, былъ человѣкъ замѣчательный. Окончивъ образованіе въ Педагогическомъ Институтѣ, онъ, въ числѣ четырехъ избранныхъ*), былъ отправленъ за границу для изученія методовъ преподаванія Песталоцци и Ланкастера. Я слышалъ, что *Свенске*, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, началъ снова изучать Греческій языкъ и Гомера. Несмотря на свое Шведско-нѣмецкое происхожденіе, онъ въ совершенствѣ владѣлъ Русскимъ языкомъ, и по порученію Географическаго Общества издано имъ нѣсколько сочиненій по предметамъ землеописанія и путешествій. Онъ былъ болѣе кабинетнымъ ученымъ,

---

*) Трое его товарищей были: А. Ободовскій, М. Тимаевъ, впоследствии инспекторъ классовъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и Вуссе, директоръ 3-й Петербургской гимназіи.

чѣмъ педагогомъ. Прихрамывая, топчась на мѣстѣ передъ нашими столами, *Свенске* съ нѣкоторымъ затрудненіемъ въ рѣчи, но въ отчетливыхъ и правильныхъ періодахъ, знакомилъ слушателей съ біографіей и произведеніями извѣстнѣйшихъ Нѣмецкихъ писателей. Сверхъ того, онъ заставлялъ ихъ для упражненія въ языкѣ переводить Шиллерову «Марію Стюартъ». Богатая бібліотека этого скромнаго и добрыйшаго человѣка была всегда къ услугамъ студентовъ.

Лекторомъ Англійскаго языка былъ *Варрандъ*, представительный gentleman, упражнявшій насъ переводами съ Англійскаго языка на Французскій, по книгѣ имъ изданной. Варрандъ преподавалъ свой языкъ нѣкоторымъ членамъ царскаго семейства и одновременно издавалъ журналъ «St.-Petersburg Review».

О лекторѣ Италіянскаго языка Манцини помню только, что мы переводили у него «Le mie Prigioni. Какъ лекція Варранда, такъ и Манцини могли посѣщать только тѣ изъ студентовъ, которые достаточно понимали по-Французски, ибо все преподаваніе происходило на этомъ языкѣ. Такъ какъ аристократы этихъ лекцій не посѣщали, и онѣ не были обязательны: то понятно, что число слушателей на нихъ было всегда ограниченное.

VI.

Мои воспоминанія о прочихъ университетскихъ профессорахъ довольно тусклы или не представляютъ достаточныхъ характеристическихъ чертъ, поэтому я предпочитаю лучше вовсе не упоминать о нихъ. Были между ними конечно личности достойныя всякаго уваженія и пользовавшіяся любовью студентовъ, наприм. *Калмыковъ*, *Ивановскій*, *Порошинъ*, *Шнейдеръ* и др.; но, будучи филологомъ и не располагая данными, повѣренными личнымъ наблюденіемъ, я не считаю себя въ правѣ судить объ ихъ педагогической дѣятельности.

Довольно и тѣхъ тѣней, которыя, я руководствуясь правиломъ amicus Plato, sed magis amica veritas, набросалъ на мою alma mater. Въ утѣшеніе же моихъ бывшихъ товарищей, которые вздумали бы упрекнуть меня въ неуваженіи и въ недостаткѣ пietetа (manque de pieté) по отношенію къ моей духовной «матери», я съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаю, что, несмотря на всѣ недостатки университетскаго образованія нашего времени, уровень духовнаго развитія питомцевъ Петербургскаго университета конца 1830 и начала 1840 г., былъ гораздо выше, нежели у студентовъ позднѣйшихъ выпусковъ. Мои старые товарищи могутъ всегда гордиться тѣмъ преимуществомъ, что умственное ихъ развитіе совершалось подъ вліяніемъ людей «сороковыхъ годовъ»; что, живя въ блестящую эпоху нашей литературы, мы

воспитались на произведеніяхъ такихъ талантливыхъ ея представителей, каковы *Жуковский, Батюшковъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь*, тогда какъ студенты послѣдующихъ поколѣній обыкновенно черпали свою житейскую мудрость изъ разныхъ мутныхъ источниковъ въ сочиненіяхъ *Прудона, Молишота, Бюхнера* и т. п. извѣстныхъ апостоловъ матеріализма и комунизма, основъ нигилизма. Указанія на студенческія исторіи въ 1860 годахъ освобождаютъ меня отъ труда проводить дальнѣйшую паралель между состояніемъ Петербургскаго университета въ тотъ и другой періоды его исторіи. Тѣмъ кому мой приговоръ надъ уровнемъ знаній послѣдующихъ студентовъ, не только Петербургскаго, но и другихъ университетовъ, покажется слишкомъ суровымъ или пристрастнымъ, совѣтую обратиться къ опытнымъ редакторамъ журналовъ и газетъ и спросить ихъ, почему они, приглашая къ себѣ сотрудниковъ, еще въ очень недавнее время, предпочитали, а можетъ быть и теперь предпочитаютъ, людямъ съ образованіемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ студентовъ выпусковъ 40-хъ и 50-хъ годовъ.

Итакъ, сравнивая характеръ, стремленія, настроеніе и условія жизни студенчества моего времени съ нынѣшнимъ, приходится съ сожалѣніемъ заявить о явномъ пониженіи. Имѣвъ случай близко ознакомиться съ образомъ жизни моихъ товарищей разныхъ кружковъ, какъ аристократическаго, такъ демократическаго, бывъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и съ богачами, и съ бѣдняками и желая быть правдивымъ, не могу скрыть отъ читателя, что одни увлекались кутежемъ, другіе танцклассами, третьи карточной игрой; но долженъ присовокупить, что все это происходило въ незамѣтныхъ размѣрахъ сравнительно съ тѣмъ, о чемъ пришлось слышать и читать въ позднѣйшее время. Вотъ наприм. какъ описываются жизнь и нравы студентовъ настоящаго времени челоѣкомъ, только что оставившимъ университетскую аудиторію.

«Борьба за существованіе», читаемъ въ «Письмахъ о современной молодежи и о направленіяхъ общественной жизни» (соч. NN, Москва 1888 г.), самая грубая, животная борьба, врѣзывается клиномъ въ жизнь студенчества, т. е. грызня изъ за куска хлѣба, отбиваніе мощеническимъ (!) образомъ другъ у друга уроковъ и т. п. Товарищескія невинныя попойки стараго времени превратились въ систематическій, безконечный запой, въ грубое злоупотребленіе молодыми силами и здоровьемъ. На Хитровомъ рынкѣ, въ ночлежныхъ домахъ, находятся особыя комнатки, носящія названія «студенческихъ». Чтобы побудить студентовъ къ соблюденію вѣшняго приличія, дали студентамъ форму... и студенты въ формѣ сидятъ въ грязной портерной съ женщиной на колѣняхъ и горланятъ пошлую пѣсню. Дымъ, пиво, ругань, пьянство.... Въ другой группѣ, народившейся недавно и съ каждымъ

годомъ увеличивающейся, игра въ карты по цѣлымъ ночамъ, хожденіе въ оперетки (прибавимъ отъ себя неистовое клакёрство въ театрахъ), ѣзда въ увеселительныя заведенія, попойки и вообще прожиганіе жизни, вотъ что наполняетъ жизнь такихъ студентовъ».

«Товарищеской корпоративности вы у нихъ не ищите, тѣмъ менѣе дружескихъ бесѣдъ и споровъ на темы, такъ недавно (?) еще любимыя молодежью; если она собирается, то для того чтобы повинтить, поспорить о качествахъ новой опереточной дивы, посплетничать. Живой студенческой души нѣтъ у людей этой группы; они представляютъ изъ себя бюрократовъ въ зародышѣ, съ казенными замашками, съ тупымъ и холоднымъ отношеніемъ къ жизни, съ горячею любовью къ себѣ самому, своему карману и т. д. Къ наукѣ они относятся также только съ формальной стороны: для нихъ нуженъ одинъ лишь дипломъ».

Въ мое время никто бы не повѣрилъ, чтобы студенческія безобразія могли когда либо достигнуть такихъ геркулесовыхъ столбовъ.

Невольно спрашиваешь себя: чѣмъ объяснить это умственное и нравственное движеніе назадъ молодыхъ интеллигентныхъ слоевъ общества въ эпоху благодѣтельныхъ реформъ и несомнѣннаго стремленія къ прогрессивному развитію всѣхъ остальныхъ факторовъ культуры и гражданской жизни?! Миѣ кажется, что не нужно долго искать отвѣта на этотъ вопросъ.

Мы знаемъ, что, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, на обязанности родителей и наставниковъ лежало оберегать дѣтей отъ излишнихъ шалостей и проступковъ постояннымъ руководствомъ и бдительнымъ надзоромъ за ними и что дурныя привычки и ложный образъ мыслей питомцевъ падали справедливымъ укоромъ на ихъ руководителей. Пусть же теперь *духовные* отцы нашей университетской молодежи спросятъ свою совѣсть: насколько *воспитательное* начало входило въ составъ ихъ (не спорю) можетъ очень ученыхъ и интересныхъ лекцій; насколько университетское преподаваніе дѣйствовало на нравственныя убѣжденія ихъ слушателей; словомъ, всегда ли наши гг. профессора руководствовались прекраснымъ афоризмомъ извѣстнаго педагога *Дистервега*, что университетъ есть заведеніе *педагогическое* и все что до него относится должно разсматриваться *съ педагогической*, а не съ другой точки зрѣнія *)?

А. Ч.

---

*) Eine Universität ist eine pädagogische Anstalt, und alle Maasregeln müssen von dem pädagogischen Standpunkte, nicht von dem polizeischen, juridischen, finanziellen oder anderen Standpunkte aus beurtheilt werden.